

Литературное творчество и переводческая деятельность Т. Л. Щепкиной-Куперник — В. И. 5 —
Горюхиной, 1974

Т. Л. ЩЕПКИНА-КУПЕРНИК — ПЕРЕВОДЧИЦА БЕРНСА

С. А. Орлов

Диапазон интересов заслуженного деятеля искусств РСФСР Татьяны Львовны Щепкиной-Куперник (1874—1952) необыкновенно широк и многообразен. Современница и друг Чехова, Ермоловой, Москвина, Остужева, Неждановой, Обуховой, русская советская писательница, драматург, поэт и прозаик, она оставила значительный след в отечественной литературе, создав еще в дооктябрьские годы десять сборников рассказов, две повести, избрав объектом сочувственного изображения жизнь обездоленных города («Незаметные люди», «Ничтожные мира сего», «Грудящиеся и обремененные» и другие), а также ряд поэтических сборников («Из женских писем», 1898, «Мои стихи», 1901, «Облака», 1912 и другие). Одно из ее стихотворений — «От лавших твердь Порт Артура» (1905) — пользовалось шумным успехом у современников. Она — автор нескольких оригинальных пьес, книги воспоминаний «Дни моей жизни» (1928), «О М. Н. Ермоловой» (1940)¹, «Театр в моей жизни» (1948). Но наибольшее значение бесспорно имеет ее переводческая деятельность. Зная в совершенстве восемь иностранных языков, она перевела для русского читателя пятьдесят семь пьес, выполнив эту работу не только технически совершенно, но и творчески оригинально, сумев передать специфику и неповторимое обаяние каждого из избранных ею произведений. Семнадцать из них были переведены в дореволюционные годы, сорок — после революции. Здесь переводы с французского, английского, немецкого, польского, испанского, итальянского. Ею осуществ-

¹ Последнее издание этой книги датируется 1973 годом.

влены двенадцать шекспировских переводов, переводы из Бернса, творения Мольера, Гюго, Ростана, Матерлинка, пьесы Дюпелле де Вега, Тирсо де Молина, Кальдерона, Шиллера, Гольдони, Флетчера, Гоцци и др. авторов.

Нельзя не согласиться с С. С. Мокульским, пишущим в предисловии к одной из ее книг о том, что «все перечисленные области литературной работы Т. Л. Щепкиной-Куперник отступили на задний план перед ее переводческой деятельностью. Именно на этом участке Татьяну Львовну ожидали самые большие успехи, самое горячее признание»². Сказанное выше позволило тому же исследователю с полным правом отнести имя Т. Л. Щепкиной-Куперник к числу лучших переводчиков нашей страны, поставив ее в один ряд с такими мастерами художественного перевода, как М. Лозинский, М. Кузьмин, Б. Пастернак, С. Маршак, С. Шервинский, В. Рождественский, А. Ахматова и другие.

Талант переводчика-поэтессы, великолепное знание материала, умение сохранить и передать специфически-характерные и национальные раню замечали читатели. Здесь уместно в первую очередь назвать А. П. Чехова и А. М. Горького³. Известные тринадцать писем Чехова к ней. В письме от 24 декабря 1894 г. из Москвы он высоко оценил ее произведение «Одиночество». «Рассказ положительно хорош, и, нет сомнения, Вы умны и бесконечно хитры. Меня больше всего тронула художественность рассказа...»⁴. В свою очередь, А. М. Горький, ознакомившись с постановкой пьесы Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак» (стихотворный перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник, М., 1898) на сцене нижегородского театра, опубликовал в газете «Нижегородский листок» (№ 4, 5 января 1900 г.) рецензию на спектакль, а несколько дней позднее, в письме к А. П. Чехову от 21—22 января 1900 года сообщал: «А что, видели вы «Сирано де Бержерак» на сцене? Я недавно видел и пришел в восторг от пьесы».

Дорогу свободным гасконцам!
Мы южного неба сыны,

² С. Мокульский. Мастер драматического перевода в кн.: Т. Л. Щепкина-Куперник. Избранные переводы, том первый, ГИХЛ, М., 1957, стр. 5.
³ См.: Чехов в воспоминаниях современников. М., 1954.
⁴ А. П. Чехов. Собр. соч. в двенадцати томах, том XII, ГИХЛ, М., 1957, стр. 62.

Мы все под полуденным солнцем
И с солнцем в крови рождены!

Мне страшно нравится это «солнце в крови»⁵.

Любопытно, что в подлиннике пьесы Ростана цитируемое М. Горьким четверостишие отсутствует — оно принаследжит переводчице Т. Л. Щепкиной-Куперник. Горький, ознакомившись с пьесой Ростана на нижегородской сцене, увидел в герое пьесы «беззаветно смелого гасконца, язык которого острее как шпага, а шага пряма и метка как язык»; заслуга в этом переводчицы несомненна; ей удалось передать и остроумие пьесы, и силу ума «сумасброда» Сирано — рыцаря правды и красоты, «весельчака, который убивает пошлость и глупость». По словам Горького, «вся пьеса нарядность красива и остроумна. Как она переведена — это видно по приведенным обильным выдержкам...». Несомненно, что Горького увлекла пьеса в отличном переводе поэтессы Щепкиной-Куперник. Свое удовлетворение спектаклем он выразил и в последних строках театральной рецензии: «Пьеса Ростана возбуждает кровь, как шампанское вино, она искрится жизнью, как вино, и опьяняет каждой жизнью»⁶.

Выдающийся советский шекспировед, крупнейший специалист в области английской литературы, автор подстрочных, дословных переводов «Гамлета» и «Отелло» и комментариев к ним, профессор М. М. Морозов, говоря о переводах Бернса в советское время, назвал имена Т. Щепкиной-Куперник, Э. Багрицкого и С. Маршак, отмечал выдающееся значение переводов последнего из названных здесь поэтов. В книге М. Морозова «Шекспир, Бернс, Шоу...»⁷, вышедшей уже после смерти ученого (умер 9 мая 1952 г.), даны воспоминания М. О. Кнебель, режиссера, осуществившего постановку пьесы Шекспира «Как вам это понравится» по переводу Т. Л. Щепкиной-Куперник. Мемуаристка была свидетелем того, как протекал совместный труд постановщицы и заведующего Кабинетом Шекспира и западноевропейского театра — профессора М. М. Морозова. «Я не знала людей более несхожих», — отмечает М. О. Кнебель. — Они были полярны. Маленькая, женственная, очаровательная, воспитанная в самом высоком смысле этого слова Татьяна Львовна... и боль-

⁵ Сб.: М. Горький и А. Чехов. Переписка, статьи, высказывания. Гослитиздат, М., 1951, стр. 65.

⁶ М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 23.

Статья 1895—1906 гг., стр. 312.

⁷ М. Морозов. Шекспир, Бернс, Шоу. М., «Искусство», 1967.

шой, шумный, мужественный, не допускающий к Шекспиру ничего, хоть отдаленно напоминающего сентиментальность, похожий на Фальстафа Михаил Михайлович. Бои за каждую строчку были отчаянные. Татьяна Львовна при всей своей мягкости обнаруживала железный характер, когда речь шла о поэтической форме... Бывали моменты, когда квартира М. Н. Ермоловой, в которой с семьей великой актрисы жила Щепкина-Куперник, оглашалась такими криками, воляями и руганью, которые могли бы возникнуть на улице Стратфорда во время Шекспира. И вместе с тем стремление найти общий язык во имя общего дела охлаждало их пыл, взаимные обиды отходили на второй план и работа двигалась с удивительной быстротой, потому что двигало ее увлечение»⁸.

* * *

Правнучка М. С. Щепкина, воспитанная в лучших традициях русской демократической литературы, Татьяна Львовна Щепкина-Куперник с детства привыкла с живым интересом относиться к памятникам культуры прошлого, ценить дарование и труд любого человека, с живейшим интересом относиться к людям и природе. Наследие великого шотландского поэта — Р. Бернса, одного из крупнейших представителей лирической поэзии, поэта революции и прав человека, не могло не заинтересовать ее. По складу натуры, ума, темперамента она сама была близка к Бернсу, будучи необыкновенно чуткой и к радости и горю человека, до последнего вздоха радуящегося жизни и умевшего ценить красоту окружающей природы. Характерно в этой связи ее письмо к Н. Н. Селихову, опубликованное в печати в недавнее время в связи с датой столетия со дня рождения писательницы. В год смерти она ранней весной, находясь на отдыхе в Узком вместе с ее наследницей Маргаритой Николаевной Зелениной, написала письмо — документ жизнеутверждения и способности радоваться всему, что свидетельствует о весне, солнце, расцвете природы: «Знаете, в былое время я обычно в апреле уже уезжала из города, и любимое время для меня было — это ранняя весна, когда я действительно слушала, «как растет трава», первый запев соловья, первые нотки кукушки, первый клейкий аромат тополей — все это было пищей для моей души, для моих стихов, для радости жизни...

За годы революции жизнь складывалась так, что я рань-

в Там же, стр. 324.

ше лета не попадала в природу, и я с тоской сидела в Петрограде на Кировой, а потом в Москве на Тверском бульваре, никому даже не говоря о моей тоске, потому что это огорчило бы моих близких... И только в мечтах я иногда до галлюцинации ясно ощущала этот аромат, видела этот зеленый пух на ветках ивы, белые кружева черемухи...

Ведь не будь Узкого, я бы не решилась переехать на дачу так рано, да еще в такую погоду, которая здесь совершенно не чувствуется! И в дождь хороши эти зеленые деревья, эти туманные дали, напоминающие Китеж, и робкое пощелкивание соловьишек, которые, несмотря на дождь, хотят петь...

Я здесь наслаждаюсь каждой минутой. Не говорю уж о том, что я чудесно сплю, чего в городе не было, но и работаю я с удовольствием; и буквально пью благословенную тишину, окружающую меня...

Преданная Вам от всей души

Т. Щепкина-Куперник⁹.

Способность слушать «как растет трава», видеть «зеленый пух на ветках ивы», радоваться «робкому пощелкиванию соловьишек» безусловно близки темпераменту шотландского поэта, выросшему среди вереска, радующемуся пению жаворонка и коноплянки.

Т. Л. Щепкина-Куперник перевела около восьмидесяти творений Бернса, познакомив советских читателей с циклом лирических произведений шотландского поэта, осуществив перевод ряда крупных его творений («Веселые нищие», «Тэм О'Шентер», «Две собаки», «Молитва святого Вилли» и многие другие). Избранная лирика в ее переводе вышла в свет в середине тридцатых годов под редакцией с предисловием и комментариями С. Бабуха¹⁰.

В предисловии комментатора говорилось: «Англичане о всяком переводе говорят, что он относится к подлиннику как изнанка к лицевой стороне ковра: узоры и рисунок сохраняются, но значительно тускнеют. Переводчица Т. Л. Щепкина-Куперник сделала все возможное, чтобы дать Бернса как можно ближе к подлиннику, не в смысле точной передачи размера в ущерб содержанию или наоборот,

⁹ Н. Селихов. Поэтесса. Советская культура, № 8 за 25 янв. 1974.

¹⁰ Роберт Бернс. Избранная лирика. Перев. с агл. Т. Л. Щепкиной-Куперник. Редакция, предисловие и комментарии С. Бабуха. М., Худ. лит-ра, 1936.

а в смысле передачи стиля Бернса или духа его творчества, делая только иногда незначительные отступления в деталях»¹¹.

Талант переводчицы, как и некоторые неудачи ее отдельных переводов, были сразу же замечены критикой. Так В. Александров — рецензент журнала «Литературное обозрение»¹², в целом положительно оценив труд переводчицы, «заключающей всякого одобрения — многие переводы совсем хороши» (стр. 27), заметил и ряд погрешностей в работе. Так, привел текст переводчицы —

Любовь моя — нежная, нежная песня,
Мелодии звук неземной

писал, что слово «неземная» в подлиннике отсутствует «Совсем исказился смысл последних строк стихотворения «У меня есть жена»:

Не любим я никем — не беда,
Я и сам не люблю никого....

Как справедливо отмечает критик, «это звучит особенно странно при сопоставлении с первыми строками:

У меня есть жена: ни за что
Не отдам я ее никому.

Бернс говорит совсем другое: «Если никому до меня нет дела, то и мне нет дела ни до кого», это — утверждение своей независимости (стр. 26).

А. Старцев в статье «Бернс в новом переводе» (Литературная газета, 11 ноября 1936 г.) в свою очередь высказал ряд содержательных суждений.

«Переводы Т. Л. Щепкиной-Куперник включают около восьмидесяти стихотворений. Хотя это и составляет не более пятой части основного поэтического наследия Бернса, но во всяком случае это самое полное собрание на русском языке.

...Работа Т. Щепкиной-Куперник в целом заслуживает признания и похвалы. ...Переводы, как правило, очень точны

¹¹ С. Бабух. Предисловие в кн.: Роберт Бернс. Избранная лирика. Перевод с агл. Т. Л. Щепкиной-Куперник. ГИХЛ. М., 1936, стр. 16.

¹² Литературное обозрение, № 19, 1936 г. Отдавая дань вульгарно-социологической концепции, рецензент полагает, что Бернс «сперва сочувствовал французской революции, потом испугался ее. Его идеал — это мирные люди, которые одновременно являются и частными собственниками» (стр. 25).

и бережливы к подлиннику, некоторая часть переводов может считаться настоящей удачей — это, в первую очередь, деревенские бытовые песенки: «О свистни», «Дукан Грей...», «Мне слишком рано замуж» и др. Здесь переводчица нашла безошибочные интонации и очень тонко передала неуловимую берновскую певучесть.

Есть недостатки. Главный упрек — очень серьезен. Слишком часто безыскусственная живая отзывчивость Бернса, представляющая великую прелесть его поэзии, воспринята и передана как условная поэтическая чувствительность.

...Второе замечание. Перевод «Веселых нищих» получился у нее бледен просто потому, что он требует романтического темперамента; стансы «К маргаритке» имеются в замечательном переводе И. Козлова. Этот перевод школы Жуковского превосходит и перевод Михайлова, и перевод Щепкиной-Куперник. «Песнь бедняка» Курочкина лучше соответствует переводу Щепкиной-Куперник (у меня есть жена).

Переводы Т. Л. Щепкиной-Куперник, как и появившиеся в тридцатых годах первые переводы С. Я. Маршак, заслужили глубокое одобрение советского читателя. Автор исследования «Социальный вопрос в поэзии Р. Бернса»¹³ имел основание закончить свой труд уверенностью в том, что «имя Бернса в самом недалеком будущем станет в нашей стране именем столь же популярным и близким, каким уже ныне является, например, имя Беранже, и займет в сознании читателя принадлежащее ему по праву место выдающегося лирика и крупного политического певца Шотландии второй половины XVIII столетия».

В «Истории английской литературы АН СССР» (1945) глава о Бернсе завершается фразой: «В советское время Бернса удачно перевели Э. Багрицкий, С. Я. Маршак и Т. Л. Щепкина-Куперник»¹⁴.

О принципах, которые переводчица-поэтесса положила в основу своей переводческой работы, свидетельствуют ее письма, дневники, несколько написанных ее специальных статей, из которых в первую очередь следует назвать ее «Вступительное слово (материалы к лекциям в секции пере-

¹³ С. Орлов. Социальный вопрос в поэзии Роберта Бернса. Канд. дисс., Л., 1940.

¹⁴ История англ. литературы, том 1, вып. 2. Издательство АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 633. Автор главы о Бернсе — М. Н. Гутнер.

водников 15 апр. 1935 г.»¹⁵ и «О переводах Шекспира» (1940)¹⁶.

Перевод рассматривается Татьяной Львовной как вклад в строительство нашей культуры: «Молодежь нашей великой родины отличается тягой к культуре, такой жаждою к впитыванию всевозможных отраслей знания, к овладению классиками, что настоятельно требует от нас ознакомления с мировой литературой, поэзией и наукой. И дело переводчика я считаю одним из важнейших и нужнейших в строительстве нашей культуры»¹⁷.

Второе: совершенно очевидно, что знание переводчиком языка должно быть полным. А это означает — умение овладеть духом языка. Третье — точная передача смысла — главное для переводчика, форма имеет *подчиненное* значение. «Мне кажется, — пишет Т. Л. Щепкина-Куперник в статье «О переводах Шекспира», — что важнее донести *мысль* Шекспира, чем форму. И в старых переводах попадаются также счастливые места, что лучше и не переведешь и не скажешь. Приведу хотя бы маленький пример: Н. Греков заканчивает перевод «Ромео и Джульетты» словами:

Нет повести печальнее на свете,
Чем повесть о Ромео и Джульетте.

Это настолько точно и вместе художественно хорошо, что кончая свой перевод «Ромео и Джульетты», я не решилась искать новых строк и предпочла оставить эти, указав, разумеется, откуда я их взяла»¹⁸.

Четвертое: обязательно близкое сохранение духа языка и воспроизведение стиля.

И, наконец, что крайне существенно по мысли переводчицы: личное дарование переводчика-поэта обязательно в работе над переводом стихотворений текста иноземного автора.

В сохранившейся рукописи «Вступительного слова» мы прочли строки, подтверждающие сказанное: «Переводчик, прежде всего, это азбучная истина — должен хорошо знать язык, с которого он переводит... Знать язык не значит только понимать слова и их сочетания, но и чувствовать дух языка, улавливать стиль произведения, я бы сказала переводчик должен несомненно обладать литературным дарова-

¹⁵ Рукопись, хранящаяся в фондах ЦГАЛИ.

¹⁶ Искусство и жизнь, № 3, 1940.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, стр. 10.

нием и чутьем, особенно это важно для переводчика-поэта. Лишенный этих качеств переводчик может дать перевод добросовестный, но никогда не даст перевода художественного, а мы должны всячески стремиться к этому, чтобы давать нашему читателю лучшее, драгоценнейшее, не снижать его вкусов, не приучать довольствоваться плохой продукцией, а всемерно улучшать ее качество. Поэтому я советовала бы людям, не одаренным поэтическими способностями не братья за стихотворные переводы, а ограничиться переводом поэтического произведения.

Кроме того очень важна конгениальность поэта и переводчика. Я не советую вам братья за переводы поэтов, которые ничего вам не говорят и тем более тех, которые вам не по душе...

Главное достоинство перевода заключается в том, что когда вы его читаете — вы совершенно забываете, что это перевод и вам кажется, что перед вами подлинник — как в театре, когда игра великого артиста заставляет вас забыть, что его страдания и радость — только сценическое искусство.

...Мне лишнее повторять вам наверное всем вам знакомую аксиому: перевод должен обладать наивозможнейшей адекватностью с подлинником. Для этого нужны (тут мы говорим о стихотворном переводе):

1. Точная передача смысла.
2. Наивозможно близкое сохранение духа языка и воспроизведение стиля.
3. Сохранение образов, данных поэтом.
4. Одинаковое число строк.
5. Одинаковый ритм и размер.
6. Одинаковое чередование рифмы.
7. Сохранить по возможности перенос смысловых строки в следующую.
8. Характер рифм.

Это условия программы минимум.

Программа максимум может идти и дальше: переводчик может, например, стараться находить рифмы в звуковом соответствии с рифмами подлинника, подыскивать подходящие слова для передачи жаргонов и т. п. ...

...Чрезвычайно важную, почти первенствующую роль, играет в переводе сохранение духа языка и стиля. Разграничить эти два понятия сразу не кажется легким: но приблизительно мы можем сказать, что язык — это понятие более широкое: оно обнимает и словарь, и грамматику со всеми ее отделами и подотделами. Стиль не относится к выбору слов

и выражений к их расположению, отчасти к приемам мышления и звуковым восприятиям.

...Сохранение стиля подлинника — одна из главнейших задач художественного перевода (стр. 2, 3, 4, 5).

...Самым трудным для стихотворного перевода является английский язык... Словарь англичан в огромном большинстве состоит из односложных слов. В среднем каждое английское слово почти вдвое короче русского. Это придает английской речи большую динамику и сжатость¹⁹.

Ко всему сказанному следует с полным основанием добавить и еще одно «условие» задачи художественного перевода. Им является требование *взыскательности* переводчицы, неумолимое совершенствование своих знаний языка и непереходящее упорство, высшая *требовательность* к себе, к своему собственному труду. Об этом отлично сказал в своих воспоминаниях о Т. Л. Щепкиной-Куперник заслуженный деятель искусств Николай Любимов: «Что помогло Щепкиной-Куперник, кроме таланта, стать первоклассным стихотворным переводчиком? Ну конечно, лингвистические способности, прекрасное знание нескольких языков — французского, немецкого, английского, итальянского, испанского, польского и украинского. Чрезвычайно существенно то обстоятельство, что она побывала за границей — во Франции, в Англии, в Испании, что она видела краски и оттенки чужеземного ландшафта, наблюдала чужеземцев в быту, вслушивалась в музыку их речи. И, что не менее существенно, Щепкина-Куперник никогда не полагалась на свой талант, на то, что рифмы жили с ней запросто еще в раннем ее детстве. До конца своих дней она работала с железным упорством и находила упоение в бою с далеко не всегда подавляемым словесным материалом, в том, чтобы преодолеть его сопротивление, в том чтобы побеждать трудности, беспрестанно возникающие у художника взыскательного»²⁰.

Причина удач — полное понимание переводчиком народно-песенных основ творчества шотландского поэта, способность понять и оценить его демократизм, жизнелюбие, гуманистическое содержание творений. Ей дорога страстная любовь к жизни, уважение поэта к правам человека, ненависть к деспотизму, лицемерию и насилию, мужество и стойкость в борьбе, твердая вера в великое будущее человека труда.

¹⁹ ЦГАЛИ, фонд № 571, опись № 1, ед. хр. № 129, стр. 9, 10.

²⁰ Николай Любимов. Заслуженный деятель искусств. Воспоминания. Литературная Армения, № 2, февраль 1966, Ереван, стр. 77.

Ей по душе его стихия жизнеутверждения, подлинный интерес к жизни в любых ее проявлениях, стремление защитить человека в беде и любое живое существо, которое нуждается в защите человека-друга.

Богата галерея героев Бернса и разносторонен мир чувств его крестьян, мельника, кузнеца, матроса, способность его героев любить и быть любимым. Ему хорошо знакомы чувства девушки, которая любит впервые и которую любит парень, мир семьи труженика, все богатство которого заключено в его разуме и руках, сердце и сильных мускулах, который независим и честен, мир радости и надежд, стремлений и горя, мужества и борьбы за общее счастье, ненависть ко всему, что гнетет — лжи, лицемерию, фальши, жадности и корыстолюбию, двосудию и эгоизму.

Песни Бернса, их настроя, музыка, содержание — созвучны переводчице-поэтессе, дороги ей как выражение национального самосознания народа, имеющего славную историю и не способного встать на колени перед «своим» или чужим насильником. Это поэт — любимый, близкий, лирика, песни, сатира которого волнуют и не оставляют равнодушным. Во многих переводах звучит характерная для Бернса тема сыновней любви к Шотландии, гордость за ее мужество и стойкость, вера в ее бессмертие. Именно эту мысль отлично передают ее переводы таких произведений, как «Джон Ячменное Зерно», «Берега Дэвона», «Мое сердце в горах», «Хозяшке Уочеп Хауза», и десятки других стихотворений. Страстная любовь к Шотландии, ее людям, красоте ее гор и долин звучит, например, в таких строках перевода:

И если я репейник колкий
Встречал среди овса,
То символ тот шадил полка,
Не трогала коса.
Не знаю, не желаю
Я радости иной:
Быть сыном, гражданином
Шотландии родной²¹.

Т. Л. Щепкина-Куперник переводит «Мое сердце в горах», «Честную бедность», стихи о Каледонии («Свобода»), «Берега Дэвона» и ряд других песен, баллад поэта, совокупность которых свидетельствует о том, что Бернс — крупный

²¹ Роберт Бернс. Избранная лирика, в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник, М., 1936, стр. 105—106.

политический поэт, который занимает одно из первых мест в ряду современных ему английских поэтов.

Поэт народа выражает думы и чувства широчайших слоев трудящихся, и переводчик точен в передаче строк, выражающих эти думы и чувства. Девушка-пастушка, проводившая в дни войны милого в море, где корабли сближаются в схватке и каждую минуту залп орудия или пуля может оборвать жизнь любимого моряка, ждет с нетерпением милого, мечтает о мире без войн. Сравним, как в переводе передана мысль оригинала:

у Бернса:

Peace thy olive wand extend!
And bid wild War his ravage end,
Man with brother Man to meet
And as a brother kindly greet
(On the seas and far away)

В переводе:

О мир... подними ветвь оливы,
Войны безумье прекрати,
Чтоб снова братства дух счастливы
Сумели люди обрести!
(В море далеко...²²)

Смысл передан точно. К сожалению, рифмовка нарушена. у Бернса — а б б, у Щепкиной — а б а б.

Смысл любви к родной земле, ее горам и долинам, ее озерам и рекам звучит в стихотворении «На берегах Ди», у воды которой девушка познала и счастье любви, и печаль разлуки.

Переводчице удается раскрыть огромное разнообразие характеров, богатство чувств простых людей — в их радости и горе, страсти и ревности, отзывчивости и нежности. Великолепно в стихотворении «Жених» передана гамма чувств незамужней девушки — нежность и любовь, смешливость, ревность и лукавство, радость при случайной встрече с любимым, ласковая ирония, когда, вновь увидев вблизи любимого,

...очень любезно спросила я тут:

— Совсем ли прошла глухота у сестрицы
И так же ль все туфли всегда ее жмут?
О, господи, как он тут начал божиться,
Ох, как он тут начал божиться!

(стр. 33)

Страстно влюбленная в парня девушка, узнав, что милый в случае ее отказа готов свести счеты с жизнью, принимает решение:

Ну что ж, чтоб бедняга остался бы жив,
Пожалуй, мне завтра венчанье придется!...

(стр. 33)

И когда перед глазами читателя проходит вереница юных — радостных или горяющих, страстных или спокойных — мы видим их лица, румянец, чувствуем радость и гнев, нежность и верность.

Необычайно богаты оттенки юмора — от безобидной и веселой усмешки до сатиры и сарказма. Юмор Бернса — стихия жизнеутверждения. Вспомним широко известное «Мне замуж слишком рано». Своеобразие бернсовских строк — в раскрытии многих чувств девушки, получившей брачное предложение. Она — очень юна, не знает как ей быть и можно ли оставить маму... Она не дает положительного ответа, но и терять полюбившегося ей парня не хочет. В итоге принимает мудрое решение —

Что если б вы пришли потом?
Я летом старше буду, сударь! (стр. 25).

У Бернса эти строки даны в следующей редакции.
But if ye come this gate again J'll aulder be gln summer, Sir.
Р. 512).

Переводчик сохраняет главное — и непосредственность юности, ее чистоту и естественность.

Той же степению жизнерадостности и юмора отмечен перевод Blooming Nelly (Цветущая Нелли). Переводчица намеренно вносит некоторую «вольность» концовки, но здесь вольность, на наш взгляд оправдана.

Бедняжку гонит страх.
За нею Вилли впопыхах
Догнал ее в лесу, в кустах:
Просил, молил — и получил...
Прощение в грехах. (стр. 47)

Здесь налицо как раз тот случай, когда переводчица с полным правом, сохраняя верность общему тону стихотворения, позволяет себе «вольность», уместную в данном переводе. Сравним с текстом:

But Willie follow'd—as he should,
He overtook her in the wood;
He vow'd, he pray'd, he found the maid
Forgiving all and good.

(р. 325)

Великолепной в этом смысле считаем мы концовку «Тэма О'Шентера» с ее веселым и жизнерадостным лукавством, сразу же раз и навсегда уничтожающую любую мысль с ми-

стике и чертовщине. Насмешливый голос народного здравого смысла слышен в совете рассказчика, даваемом читателю:

Когда вас жажда мучит слишком,
Иль тянет к юбкам коротышкам,
То от греха найдите силу
Припомнить Тэмову кобылу.

(стр. 121)

Точность перевода и его художественная выразительность не подлежат сомнению. Достаточно обратиться к подлиннику:

Whene'er to drink you are inclin'd,
Or cutty sarks run in your mind,
Think! ye may buy the joys o'er dear
Remember Tam o'Shanter's mare.

(р. 347)

Несколько иным становится юмор, когда речь идет о незнакомом. Бернс с презрением относится к сильным мира сего, начиная с короля и кончая ханжей-проповедником. Так, в «Послании к лжентльмену, который прислал ему бесплатно газету...», Бернс выражает уверенность в том, что ныне он сможет узнать,

Что в свете делают сегодня
Танцорки, воры, принцы, сводня?
Все ль полоумный принц Георг
Приходит от девиц в восторг,
Иль все же стал в конце концов
Умней крестьянских жеребцов?

(стр. 109)

Характер насмешки передан с несомненным дарованием, здесь беспорна удача перевода, дающая живое и конкретное представление о независимости автора, его презрении к туземцам — от короля до сводни.

Такой же удачей следует признать и многие строки перевода о перковниках и лордах. Вспомним хотя бы «Привет поэту своему незаконному ребенку», «Молитву святого Вилли», «Две собаки». Мастерство переводчицы отчетливо прослеживается в строках первого из названных произведений:

Ты вся в красотку мать, нет слов,
И я любить тебя готов.
Принять тебя под отчий кров
И так тобой гордиться,

Как будто весь собор попов
Помог тебе родиться.

(стр. 37)

Здесь отлично переданы любовь и гордость отца, его свободомыслие и независимость, презрение к глупцам и лицемерам, ненависть к бабей-слетне. Здесь же и отчетливо проступающая нежность и страстная любовь к той, которая дала жизнь ребенку.

Лишь унаследовать сумей
Всю прелесть матери своей...

(стр. 38)

Сказано отлично!

Мы отметили бы с признательностью и многие другие удачи переводчицы. Достаточно вспомнить «К полевой мыши», «Деревенскую девушку», «Мое сердце в горах»; «Зиму жизни», «Пегги», «Мельника» с утверждением поэтом жизни и мира, крестьянской заботой о хлебе, жажде дождя и счастья, строки, где с нежностью и любовью говорится о «волнах нив», «румянце слив» и неповторимой красоте юной девушки. Эти примеры могли бы быть, конечно, умножены. К сожалению, в работе талантливой переводчицы имели место и явные неудачи.

Так, иногда использование несвойственной Бернсу лексики приводит к утрате естественности и простоты, столь характерных для лирики шотландского поэта. Примером этого может служить перевод песни Бернса «Любовь моя». Здесь любовь поэта характеризуется как «нежная, нежная песня, мелодии звук неземной» (стр. 21, разрядка моя — С. О.). В подлиннике:

O my Love's like the melody
That's sweetly play'd in tune

(р. 413)

Неудачно, с потерей выразительности и четкости бернсовского рисунка, дано и завершение:

Прости же, любовь моя, свет мой единый
На время с тобой расстанусь,
Хотя б из-за тысячи миль, дорогая,
Но все же к тебе я вернусь!

Сравним с подлинником:

And fare thee weel, my only Luve!
And fare thee weel a while!

And I will come again, my Luve,
Tho' it were ten thousand mile!

(р. 413)

При работе над переводом «К маргаритке (срезанной сохой в апреле 1786 года)» неоправданно частое использование уменьшительных суффиксов привело к частичной потере четкости и выразительности рисунка. Использование таких слов, как «цветочек», «стебелек», «венчик», «глазок», «головка», «камушек» (стр. 70) придает несвойственный Бернсу налет сентиментальности, хотя в дальнейшем переводчица удалась избежать этого недостатка. В подлиннике Бернс использует обычные, неумноженные определения и существительные:

wee (little bit, small C. O.), modest, stem, stane (stone C. O.) и другие.

«Не повезло» и широкоизвестному творению Бернса «Веселый вдовец». Это рассказ о неунывающем супруге, остающемся веселым и после смерти сварливой жены. Лишь изредка — в момент грозы и грома ему слышится ворчливый голос жены, напоминающий о бурных днях супружества. Стремясь передать жизнерадостный юмор поэта, переводчица обособленно заменяет указанную дагу ноябрю на «тринадцатое» ноябрю, что имеет особое значение для русского читателя. В тексте перевода встречаются удачные строки, но режет слух строка:

Надежно скрыла прах могила,
Над нею прочный мавзолей.

Вдовец уверен в том, что с его супругой не справился и черт — покойница «в ад не угодила»,

Скорее там она, повыше,
изображает в небе гром...

(стр. 31)

Здесь срыв — стремление передать юмор и жизнерадостность подлинника осталось не реализованным.

Вряд ли характерны для лексики и образной системы Бернса такие выражения, как «прелесть этих наслаждений» (стр. 39, «Делия»), «батюшка и матушка сойдут с ума вкопец» (стр. 26, «О свистни, и я выбегу»), «А я наслаждаюсь красавицей Белль... всегда обожаю красавицу Белль!» (стр. 90, «Весна возвратилась»), «О чистый поцелуй святой» (стр. 40, «Поцелуй»);

«Пусть таеґ стан воздушний Анны...
 Что мне султанши пылкой страсть,
 Царицы, славы осиянной, —
 Мне б только насладиться всласть
 Обменом ласк безумных с Анной...
 Укрой нас, ночь, своим крылом,
 Веди скорее мрак желанный!
 Из крыльев ангельских пером
 Я напишу как счастлив с Анной.»

(стр. 53, «Золотые кудри Анны»)

Небрежность, излишняя «красивость», надуманность сравнений, применение лексик, чуждой поэту, ведет к утрате простоты и тепла, и непосредственности чувств, столь характерной для поэта.

В постскриптуме стихотворения «Золотые кудри Анны» читаем:

Пускай закон и церковъ нам
 Грозятся карой постоянной,
 Закон и церковъ — все к чертям,
 Была б со мною только Анна.²³

В мужественном творении Бернса Such a parcel of rogues in a nation (1792), поэта, скорбящего об утрате независимости Шотландии, вспоминающем доблесть Уоллеса и Брюса — борцов с английским владычеством, каждая строка — точна и выразительна по своему значению. Т. Л. Щепкиной-Куперник не удалось в полной мере отразить это в переводе. Строки произведения Бернса, исполненные мужественной экспрессивности, страстности, выглядят у переводчицы следующим образом:

С английской сталью мы в битве кровавой
 Справлялись с презреньем, без всяких хлопот.
 Но Англии злато нам стало отравой,
 Мошенников шайка, и это народ? (стр. 97).

The English steel we could disdain,
 Secure in valor's station;
 But English gold has been our bane,
 Such a parcel of rogues in a nation!

Перевод этого четверостишия:

²³ Ср. в переводе С. Орлова: Священник говорит о чести,
 Закон определит узду...
 Пусть дьявол заберет их вместе —
 Есть Анна и я к ней иду!...

Сталь Англии мы в силах презреть —
 Прочность — в нашей доблести,
 Но английское золото — наше проклятие (отрава)
 Рассчитанное на негодяев.

Как перевели этот текст другие?

Мы сталь английскую не раз
 В сраженьях притупили,
 Но золотом английским нас
 На торжище купили.

(С. Я. Маршак. «Шотландская слава»)

* * *

Пусть английской сталью нам не грозят —
 Доблесть — Шотландии повесть;
 Но золото Англии — это яд,
 Оно растлевает совесть.

(С. Орлов).

Как правило, переводчица бережно сохраняет мысль подлинника. Отступления же приводят иной раз к явной ошибке. Так, обратившись к переводу I'hae a Wife o' My Ain («У меня есть жена»), Т. Л. Щепкина-Куперник воспроизводит довольно точно и художественно оправданно содержание подлинника, но допускает искажение в финале. Две последние строки у автора звучат следующим образом:

If naebode care for me
 I'll care for naebode

Смысл строк, как представляется мне, означает следующее:

Если никто не проявит заботы обо мне,
 Отвечу тем же...

Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник:

Не любим я никем — не беда,
 Я и сам не люблю никого.

(стр. 56).

Неудачен потому, что не является адекватным выражением мысли поэта. Бернс говорит о том, что он не оробеет в любом случае, при любых обстоятельствах: он и здесь прежде всего независим. Категоричность фразы перевода (не люблю никого!) действительно дает ложное представление о характере чувств и настроений поэта. Ошибка перевода искажает смысл.

Отмеченные недостатки ни в коей мере не могут зачеркнуть той действительно большой роли, какая принадлежит

в бернсоведении талантливой поэтессе. Самое главное заключается в том, что вслед за лучшими переводчиками страны (М. Михайлов, В. Курочкин, Э. Багрицкий), почти одновременно с С. Я. Маршакom она открыла советским читателям величайшее богатство шотландского поэта, раскрыв черты его демократизма, близости к идеям и «правам человека» Томаса Пейна, идеям французской революции, народность его поэзии.

На страницах книги ее переводов возникает облик выдающегося человека своего времени, ученика просветителей, сторонника независимости и вольности народов, поэта, наследие которого близко и понятно не только шотландскому, но и всем народам земли.

Мы считаем вправе завершить настоящий очерк стихотворением С. Я. Маршакa, написанным и поднесенным Татьяне Львовне Щепкиной-Куперник ко дню 75-летия²⁴.

Мне в голову приходит, что «соперник»
Есть, в сущности, «товарищ по перу»

(Простите мне словесную игру
Татьяна Львовна Щепкина-Куперник)
Соперницей Вы были с юных лет
Всем Вашим современникам-поэтам.
И столько лет Вы радовали свет
Весенним, летним и осенним цветом.
Когда же Вас осыпал снег зимой,
Он лег на пряди ласково и ровно.
Вы—та же юная Татьяна Львовна,
Какую Чехов называл кумой.
Ничуть не постарела Ваша Муза,
Ее душа не стала холодной.
Живите и трудитесь много дней
Среди певцов Советского Союза.

БИБЛИОГРАФИЯ

Роберт Бернс. Избранная лирика. Перевод с английского Т. Л. Щепкиной-Куперник. Редакция, предисловие и комментарии С. Бабуха, 1936, ГИХЛ, М.,

Т. Л. Щепкина-Куперник. Избранное. Воспоминания и перстреты. Рассказы и очерки. Стихотворения. Драматические переводы. Вступительная статья А. О. Богуславского и С. Н. Дурылина. М., 1954.

Л. Т. Щепкина-Куперник. Том 1. Избранные переводы, М., 1957. Вступ. статья С. С. Мокульского «Мастер драматического перевода».

ЦГАЛИ, фонд Т. Л. Щепкиной-Куперник (рукописи).

Н. Селихов. Поэтесса. К 100-летию со дня рождения Т. Л. Щепкиной-Куперник. (Сов. культура № 8. (4704) за 25 янв. 1974 г.)

²⁴ Хранится в ЦГАЛИ.